

КИР БУЛЫЧЕВ

ВАНЯ + ДАША
= ЛЮБОВЬ

Кир Булычев

Ваня+Даша=Любовь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154867

Подземелье ведьм: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-12333-9

Аннотация

Ещё полгода назад их было 18 клонов-близнецов. Сейчас же из них живы только 11, и с каждым днём их становится всё меньше. Каждый из них должен совершить жертвенный подвиг – его тело, его внутренние органы спасут жизни известных людей. Но даже у клонов когда-то пробуждается самосознание, и они начинают отличать правду от лжи.

Содержание

1	4
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кир Булычев

Ваня + Даша = любовь

1

Вчера вечером Григорий Сергеевич выступал в передаче «Лицом к лицу с будущим». Ее вел академик Велихов по каналу «Культура». Григорий Сергеевич выглядел очень красиво. Он у нас седовласый, подтянутый, даже стройный, несмотря на свои шестьдесят лет. Григорий Сергеевич ежедневно играет в теннис, а по воскресеньям скачет верхом. Именно для этого у нас на внешней территории держат двух коней. Порой Григория Сергеевича сопровождает доктор Блох, а иногда Лена Плошкина.

– Создание хорошей гистологической лаборатории, – говорил Григорий Сергеевич, – обойдется Академии наук в пятьдесят миллионов долларов, но у академии нет таких денег.

– Но ведь такая лаборатория относительно быстро окупится, – возразил академик Велихов. – Перспективы выращивания органов для трансплантации могут быть финансово оправданными.

– У нас немало наработок в этом направлении, можно сказать, что мы обогнали практически все лаборатории мира,

но мы до сих пор ощущаем острую нехватку материала для трансплантации. Сколько страждущих больных погибает, не получив помощи и спасения из-за недофинансирования наших исследований!

– Я надеюсь, что в будущем положение изменится к лучшему, – улыбнулся похожий на Ленина академик Велихов. – Мы еще увидим небо в алмазах.

– Вашими бы устами... – ответил наш шеф.

Когда Григорий Сергеевич завершил беседу, мы, сидевшие в гостиной, не удержались от аплодисментов. И это было искренней оценкой нашего общего труда.

Мы не успели поужинать, как Григорий Сергеевич приехал со студии. Честно говоря, я даже не надеялся на это. Ведь позади остался большой трудовой день, потребовавший от Григория Сергеевича немалого напряжения.

Первым его приближение ощутил Лешенька.

– Господа, – произнес он. – Ребята! Старики! Надвигается шеф!

Тут и мы услышали шаги в коридоре и вскочили, чтобы приветствовать его.

– Я не мог уехать домой, – сказал Григорий Сергеевич, – не сказав вам спокойной ночи.

– Жаль, что кухня закрыта, – заметил Феденька. – Чайку бы попили.

– Вот такие, как вы, и нарушают дисциплину, – засмеялся Григорий Сергеевич. – Сначала чай не вовремя, а потом?

– А потом приют ограбили, – сказал я.

– Ох, умничаешь ты, Ванюша, – укорил меня Григорий Сергеевич. – Даже слово такое уже не употребляется. Где ты, прости, выкопал такое уродливое слово?

– В «Двенадцати стульях», – признался я. – Там голубые воришки растащили приют.

– Помню, помню. – Григорий Сергеевич положил мне на плечо свою сухую, жесткую и в то же время безмерно добрую ладонь. – Прости старика, запомятовал.

Он поднялся было, чтобы уйти, но спохватился и остановился в дверях. Именно так делает американский актер в бесконечном сериале про лейтенанта Коломбо. Он всегда делает вид, что уходит, удовлетворенный ложью убийцы, но в дверях обязательно замрет и обернется. И спросит: «А кстати, не ответите ли вы мне на один маленький вопрос: где вы были вчера в восемь утра и почему на вашей пижаме пятна крови?»

Григорий Сергеевич задержался в дверях и посмотрел на нас. Взгляд его был строг и печален. Взгляд отца.

Мне стало холодно внизу живота.

– Дети мои, – сказал Григорий Сергеевич, – завтра с утра плановые анализы. Потом привезут нового больного.

Дверь за профессором медленно и беззвучно затворилась.

Свет сразу потускнел, заиграла колыбельная. Щелкнул и погас экран телевизора. Пашенька, который не успел досмотреть передачу «Ольга Павлова и ее мужчины», выругался од-

ними губами.

Мы потянулись в туалетную комнату.

Я люблю нашу туалетную комнату: это совершенство гигиены. Восемнадцать умывальников, над каждым полочка с зубной щеткой, рядом – два полотенца. Шампунь на вкус (впрочем, вкус у нас одинаковый) и мужской одеколон «Арамис».

Я подошел к моему умывальнику.

На зеркале сидела муха. Я согнал ее. Мухе не место в нашей туалетной комнате.

Я стал смотреть в зеркало.

Я люблю смотреть в зеркало, потому что, простите за искренность, мне приятен мой внешний облик. Мое лицо слегка, в меру загорело, потому что мы проводим много времени на свежем воздухе, занимаясь физическими упражнениями и трудясь на маленьком приусадебном участке. Кожа моего лица чистая, без прыщиков, глаза карие, большие, в темных ресницах, губы в меру полные, зубы – ни одной дырочки! Послезавтра будем стричься, так что волосы чуть длиннее обычного. Я отпустил небольшие усы, Григорий Сергеевич не возражает против этого. Он сторонник индивидуального выражения. Нам даже не возбраняется читать и писать стихи. Я сам в прошлом году написал стихотворение, в котором отразил свое отношение к погоде:

Вот и осень наступила,

Очень грустная пора.
Как кроссовкой наступила.
Я той осени не рад.

Доктор Блох, он еще молодой хирург, прочел мое стихотворение и выразил удовлетворение. Он сказал, что из меня может получиться настоящий поэт. «Вы не шутите?» – спросил я доктора. И тогда доктор Блох ответил, что шутит. «У нас с тобой, – сказал он, – другой смысл в жизни».

Справа от моего умывальника умывальник Лешеньки, а слева умывальник без полотенца, раньше он был умывальником Петеньки, но с тех пор как Петенька ушел, им никто не пользуется. Доктор Блох говорит, что новый клон уже готовится на запасной базе. Но он будет завершён не раньше, чем через полгода.

Я посмотрел на Лешеньку.

– Слушай, – сказал я ему, – может, тебе отпустить бакенбарды? У меня будут усы, а у тебя – бакенбарды.

– Боишься, что тебя со мной спутают? – засмеялся Лешенька.

Я смутился, так как он попал в точку. Как объяснял доктор Блох, уровень моей сексуальности несколько превышает норму нашего клона, в этом нет ничего катастрофического, но эту особенность моей природы следует учитывать. В конце концов каждый из нас, двенадцати оставшихся в Институте из восемнадцати первоначальных членов клона, обла-

дает особенностями как генетическими, так и психологическими, в частности, в этом смысл нашего эксперимента. Даже тараканы не бывают одинаковыми, как-то заметил Григорий Сергеевич. А люди – не тараканы!

Лешенька, как наиболее проницательный из нас, заметил, что я проявляю знаки внимания к Леночке Плошкиной, нашей стационарной сестре. Мне хотелось поцеловать ее, мне хотелось гулять с ней вечером и дарить ей подарки. Я даже жалел, что мы лишены собственности, и потому подарков от нас ждать не приходится. К тому же Леночка привязана Володичке.

А зубную щетку Петеньки почему-то забыли убрать. Интересно, подумал я, у вещей есть память? Помнит ли та зубная щетка, как она чистила зубы Петеньке? Петенька был самым веселым из нас и хорошо запоминал анекдоты. Вот я, например, могу тысячу раз услышать анекдот, но не запомню, чтобы его вам рассказать.

– Надо убрать его зубную щетку, – сказал Лешенька, но сам ее трогать не стал.

2

Я глубоко уважаю Григория Сергеевича за его откровенность. Это ему не всегда легко дается, потому что каждый из нас для него, как он сам признавался, ближе родного ребенка.

Я не только предполагаю, но теперь знаю наверняка, что в других медицинских учреждениях и даже в других отделениях нашего Института господствуют другие нравы. Но Бог им судья!

Мы с вами мужчины и должны не только смотреть правде в лицо, но и сознавать нашу высокую цель, наше предназначение. Жертвенность всегда была свойственна русскому христианину. Если мы не спасем человека, то кто его спасет?

Тогда я сочинил такое стихотворение:

Если я помочь не буду,
Если ты помочь не станешь,
Кто беду руками скрутит,
Кто поможет и спасет?

Я его еще никому не читал.

У нас было два события. Первое – подвиг Олежки. Да, я называю это подвигом по примеру Григория Сергеевича. Он утверждает, что каждая жертва одного из нас – это своего

рода подвиг. И мы заслуживаем памятников. Каждый из нас, еще при жизни.

Леша, Лешенька, ты циничен. Ну почему ты вцепился в слово «еще»? Все мы смертны, а те, кто стоит на переднем крае борьбы со смертью, должны быть всегда готовы к встрече с ней. Это судьба.

Вечером перед ужином мы собрались в розовой гостиной.

Все тут были. И наш клон, и Леночка, и доктор Блох. И, конечно же, Григорий Сергеевич. Он пришел, как и положено на проводах, в черном строгом костюме, который шил в Париже у кутюрье Вадима, и сиреневом галстуке с булавкой 2-го Меда.

Мы сами раздвинули стол и накрыли его.

Всем шампанское, кроме Олежки. Ему нельзя. Ему, говоря шуткой, завтра почти весь Урал переплывать. Это старый анекдот про Чапаева, который утонул посреди реки.

Олежка попытался улыбнуться. У него дергалось веко. Еще в прошлом году он упал и повредил себе веко. Видно, задел мышцу, которая его держит. Для наших дел это не важно, не отличает Олежку от прочих.

Он повернулся к доктору Блоху, который сидел справа от него, и шепотом попросил сделать ему еще один укол.

– Дружочек, – улыбнулся в ответ доктор, – ты же не хуже меня понимаешь, что это окажет вредное воздействие на твою печень. Она и без того перегружена лекарствами, чтобы уменьшить риск отторжения.

Доктор налил себе кофе. Мне тоже можно кофе.

– Хрен с ним, – тихо сказал Олежка, и мне было непонятно, кого он имеет в виду.

– Тогда наша жертва... – Григорий Сергеевич, конечно же, услышал этот обмен репликами. У него большие, очень белые уши, которые иногда шевелятся, как радары. – Наша жертва станет бессмысленной, а это равнозначно сапогам всмятку. Кстати, детки, кто первым вспомнит автора афоризма? Обещаю, кто вспомнит, пойдет в воскресенье в зоопарк.

Мы начали говорить и все ошибались. Лично я подумал, что это Ильф и Петров, Лешенька сказал, что Лев Толстой. Кто что читал в последнее время, тот и совал своего автора.

Вдруг Олежка сказал:

– Это Тургенев. Повесть «Отцы и дети».

– Ах, какой ты молодец! – обрадовался Григорий Сергеевич – Недаром я всегда гордился тобой и ставил тебя в пример прочим. Именно Тургенев! Стыдитесь, недоросли!

– Я пойду в воскресенье в зоопарк? – спросил Олежка. Он натянуто улыбался, словно понимал, что его слова – шутка, и в то же время немного надеялся, что Григорий Сергеевич выполнит обещание.

Его кулаки лежали на столе. Кулаки сжались сильнее, и костяшки пальцев побелели.

Вдруг Григорий Сергеевич рассердился.

– Вот этого я от тебя не ожидал! – громко сказал он. – От

кого-кого, но от тебя не ожидал. В твоих словах есть посягательство на то святое, ради чего мы с вами живем и умираем.

– Простите, – сказал Олежка. – У меня вырвалось.

– У человека не вырывается то, что в нем не заложено, – отрезал Григорий Сергеевич.

– Я боюсь, – сказал Олежка.

Этого говорить не следовало. Я даже испугался. Какой стыд!

– Боря, займитесь им, – поморщился Григорий Сергеевич.

Олежка поднялся и тут же вновь обессиленно опустился на стул.

Григорий Сергеевич воскликнул:

– Предлагаю спеть. Что-нибудь старое, но приятное. Давно я не пел. Кто запеваает? Ты, Иванушка?

Я вздрогнул. Мне казалось, что меня не видно, что я здесь не существую, а наблюдаю за всеми издали, из-за стекла. А, оказывается, все смотрят на меня и ждут.

Я не мог отказаться. Я знал, что от меня требуется нечто очень бодрое. И я запел песню из очень старого кинофильма, которую любил Григорий Сергеевич и не раз напевал ее нам:

Жил отважный капитан.
Он изведal много стран,
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул
И кормил собой акул,
Но ни разу даже глазом не моргнул!

Некоторые подхватили песню, другие стали пить чай, Олежка прикрыл глаза, и веко вздрагивало.

– Как мне приятно находиться в родном коллективе, – сказал, когда мы допели куплет, Григорий Сергеевич.

Он вынул большой носовой платок и высморкался. Не потому что у него начался насморк, а от чувств, уж вы мне поверьте, я знаю этого большого и непростого человека.

– Давайте же попросимся с нашим товарищем, – продолжал Григорий Сергеевич. – Слова мои неточные, слишком холодные, чтобы отразить бурю горячих чувств, владеющих мной, но люди еще не выдумали адекватных выражений и точных фраз. Завтра в это время мы соберемся здесь без Олежки, без нашего знатока творчества Тургенева, без доброго, отзывчивого человека, потому что, в то время как мы будем здесь бездумно гонять чай, он уйдет своим высоким путем, промчится среди звезд, словно настоящий метеор. Счастье свершения, высота помыслов, бескорыстие самоотдачи – все эти слова относятся к Олегу. Вставай же, сын мой, и иди на подвиг!

Голос Григория Сергеевича сорвался, и он всхлипнул.

Он уселся на свое место и шевельнул пальцами, приглашая других занять его место на воображаемой трибуне.

– Сейчас, – быстро, задыхаясь, затараторила глупая Ляночка, наша стационарная сестра, – один человек ждет решения судьбы. Это великий человек, дорогой всему обще-

ству и нам всем вместе! Этот человек – маршал авиации, защитник рубежей нашей отчизны. Если Олежка не придет к нему на помощь, часы его сочтены, а это значит, что в наших границах начнет зиять. И эти самые поползут к нам со всех сторон... Нет, я не могу, я просто не могу!

– Садись, – сказал Леночке Володичка.

Сам он не может встать, у него кресло, в которое точно вписывается его торс. Он любит Леночку и хочет на ней жениться, но Григорий Сергеевич честно при всех признался, что перспективы Володи пессимистичны. Медицина бессильна его спасти. Но он должен держаться, потому что у него остался мозг, у него осталось хоть и травмированное, но работоспособное сердце.

Леночка присела рядом с Володей. Она называет себя его невестой. Они делают вид, что вскоре сочетаются узами брака, но не верят в это. Никто не смеется, кроме Лешеньки. Лешенька меня раздражает. Иногда я готов ему голову проломить, хотя вы понимаете, насколько у нас строга внутренняя дисциплина! Ведь искалечить одного из нас означает нанести неизгладимый урон всему клону, всему Институту, а может быть, и всему человечеству!

Кто мы?

Мы – скорая помощь.

Когда ничто уже не поможет избранным, чьи портреты висят в коридоре нашего отделения, когда черная дыра подбирается к земной цивилизации, – выходим вперед мы, как па-

ладыны в белых одеждах праведников. И своей жизнью закрываем отверстие в плотине.

Простите, что я говорю красиво. Обстоятельства требуют высокого слога.

– Пора, – сказал доктор Блох. Он был лечащим врачом Олежки. На время подготовки к подвигу.

– Ты завидуешь? – спросил меня Федечка.

– Он спешит заменить Олега на боевом посту, – сказал Лешенька.

– Не говори глупостей, – сказал я.

Олежка поднялся, и тут ноги изменили ему. Мне стало стыдно за брата. Нельзя, ни на секунду нельзя терять контроль над собой.

И тут Григорий Сергеевич громко запел:

Жил отважный капитан,
Очень красный, как банан,
Он не раз пересекал океан!

И мы подхватили песенку, нелепую, милую, добрую песенку.

Я подбежал к Олежке и держал его справа. А слева шел доктор Блох.

– Давай, братишка, – сказал я. – Мы все смотрим на тебя!

Олежка сопротивлялся, но не отчаянно, а как будто по обязанности. Мы вели его так, как приятели тащат из кабака подвыпившего посетителя. И с каждым шагом Олежка делал

все меньше усилий, чтобы наступить на пол, и в конце концов обвис на наших руках.

– Да скорее же! – закричал Григорий Сергеевич. – Отключите его!

Я вздрогнул и отпустил Олежку.

Блох не удержал его, и Олежка свалился на пол, а Блох сверху на него. Я отпрыгнул в сторону, и тогда Григорий Сергеевич с Леной поспешили на помощь молодому врачу.

Они потащили Олежку к двери.

Именно потащили, держа под мышки и за голову.

Мне было стыдно. И за Олежку, который настолько потерял себя, и, конечно же, за себя самого. Не знаю, почему мой мозг воспринял крик доктора «отключите его» как относящийся ко мне. Ведь я знал, что мне пока ничего не угрожает... ах, какое неправильное выражение: мне не угрожает!

Откуда могло возникнуть слово «угроза»? Какой стыд!

Я поднялся с пола и сказал:

– Простите, я споткнулся.

Но никто меня не слушал.

Некоторые вернулись к столу и стали доедать печенье и конфеты. И не было рядом врачей, чтобы остановить этот пир, могущий повредить обмен веществ.

Я тоже подошел к столу и уселся на свое место.

– Претендуешь на медаль? – спросил Лешенька.

– Я ни на что не претендую, но делаю то, что подсказывает мне совесть.

Врачи не возвращались. Впрочем, им не нужно было возвращаться. Они заняты.

В помещении постепенно наступила вечерняя тишина и покой. Это не означает, что никто не думал об Олежке. Конечно, думали и даже переживали.

Когда Лешенька предложил мне сыграть в шахматы, я сел напротив него, но продолжал думать, почему же Олежка проявил такую душевную слабость? Я не ожидал от него.

Лешенька сделал первый ход, я, не думая, ответил. Мы разыграли индийское начало, потом Лешенька задумался. И я задумался.

Я думал дольше, потому что меня вернул к действительности голос Лешеньки:

– Может, пойдем спать?

– Сейчас.

Почему-то с потолка стал сыпать мелкий дождик – слишком велика была конденсация пара в гостиной. Григорий Сергеевич как-то предупреждал об этом, но я забыл физическое объяснение явления.

Володичка подъехал к нам на коляске и сказал:

– У тебя конь под боем.

– Извини. – Я убрал коня, а Лешенька сказал:

– Ход сделан.

– Но это же товарищеская партия, – возразил я.

– С каждым днем все меньше товарищей, – заметил Володичка.

– И если мы будем такими же баранами, как Олег, скоро не останется совсем.

– А что ты предлагаешь? – спросил Володичка.

– Тебе уже поздно, ты списанный элемент, – сказал Лешенька.

– Не так все просто. Мне Блох гарантировал, что они регенерируют ноги.

– Скорее, из твоих ног кому-то сделают костыли, – уточнил Лешенька.

– Иногда ты меня раздражаешь, – сказал я.

– Кто-то должен раздражать баранов, хотя они все равно пойдут на бойню.

– Лешенька, в такой день! – возмутился я. – Мне за тебя стыдно.

– А чем этот день хуже любого другого? – спросил Лешенька. – Может, именно сегодня и надо говорить друг другу правду.

– Что ты имеешь в виду под правдой? – Это был голос Вадимчика. Хотя мы отличаемся друг от друга, голоса у всех схожие. По телефону я не смог бы различить. Но когда мы в комнате, рядом, то я с закрытыми глазами скажу, Венечка это или Олежка.

– На бойне есть должность барана, который ведет за собой стадо. Он говорит коровам и овцам: «Я здесь давно живу. Там, за углом, есть неплохое зеленое поле с нежной травой. Построимся, дорогие друзья, и в путь!»

– При чем тут Олег? – спросил Володичка.

– Ни при чем. Но еще полгода назад нас было восемнадцать человек. Сейчас – двенадцать с половиной. Завтра будет на одного меньше. Через год на наших мягких койках будут спать другие люди, другой клон. А сколько их было до нас?

– Мы пионеры испытаний, – отрезал я. – Мы – первые.

– А тебя никогда не удивляло, что в коридоре есть галерея спасенных за наш счет и в ней по крайней мере три десятка знаменитостей? Как их могли спасти шесть или семь членов нашего клона?

Каждому из нас приходится переживать минуты сомнений и даже страха. И единственное, что удерживает нас на уровне чистых и высоких помыслами юношей, это уверенность в правильности нашего пути, это понимание истинности нашего дела.

Вот это я и сказал моим одноклеточным братьям. И знал, что большинство разделяет мою точку зрения. Но не Лешенька. Проклятый Лешенька!

– Баран – патриот идеи все равно остается бараном, – сказал Лешенька. – И его мясо не становится жестче.

– Как ты смеешь говорить эти слова, когда наш товарищ и брат в нескольких метрах отсюда сосредоточенно готовится к завтрашнему подвигу!

– Ты называешь это подвигом?

– Я тебя убью! – вскочил я.

– А тебя убьют без моей помощи, – сказал Лешенька. – Тебя не спросят даже, хочешь ли ты жить. Хочешь ли ты жениться, иметь детей...

– Это наш долг! – закричал я.

– Кто тебе это сказал? – спросил Лешенька. Он криво усмехался. Мы все так усмехаемся, когда хотим обидеть, разозлить недруга.

– Это сказал... это сказал мой учитель, Григорий Сергеевич.

– И знаешь ли ты, сколько он получает за каждый наш жертвенный подвиг? Ты задумывался об этом?

Если бы не тот вечер, не прощание с Олежкой, которого только что увели навсегда, я бы никогда не кинулся на своего близнеца. Я любил Лешеньку, даже если он заблуждался. Но не смейте отбирать у меня цель жизни. Человек без цели становится куском навоза в проруби. Недаром Григорий Сергеевич часто приводил нам примеры из истории Советского Союза, и в первую очередь Великой Отечественной войны. Она доказала, что в жизни всегда найдется место подвигу. Григорий Сергеевич как-то сказал нам в душевной беседе: «Я хотел бы, чтобы наш Институт назвали учреждением имени Александра Матросова, который закрыл своей грудью амбразуру, то есть отверстие, сквозь которое вел огонь вражеский пулемет».

– Не смей врать! – кричал я, наскакивая на брата. – Не смей клеветать на моего кумира!

Лешенька, отбиваясь от меня, гнул свое:

– Кумир останется жив и заведет других идиотов, как ты!

– Мне не важно, что случится со мной, я хочу, чтобы продолжался прогресс и во главе прогресса стоял бы наш Григорий Сергеевич.

Я даже понимал, что слова мои звучат по крайней мере наивно, и мне было неприятно слышать смешки тех, кто растаскивал нас с Лешенькой.

И тут в комнату ворвался доктор Блох.

– Что за шум? – крикнул он от дверей.

Он не вошел в комнату.

У меня создается впечатление, что он нас порой побаивается. Как будто входит в клетку с дрессированными хищниками.

В тот момент нас уже растащили, и мы по инерции размахивали руками, словно дрались с невидимыми противниками.

– Что за шум? – повторил Блох нарочито громко и весело. Натужно спросил, даже голос в конце фразы сорвался. – Что за шум, а драка есть?

– Ничего не случилось, – первым отозвался Володичка. – Шахматный спор.

– Как не похоже на вас, – сказал Блох. – Такие выдержанные люди, гордость нашего общежития.

– Шахматы... шахматный... пустяки... – галдели остальные.

– Не хотите говорить, не надо, – сказал Блох. – Тогда попрошу расходиться по спальням.

Спальнями у нас называются палаты, чтобы все было, как на воле.

В каждой по четыре койки. И больше ничего – что делать в спальнях? Только спать. Правда, некоторые держат журналы или карты для пасьянса.

У нас в спальне одна койка пустует. Уже второй месяц. Но Мишенька спал не с нами.

Мы улеглись, свет погас, но если я хочу, могу включить настольную лампочку, на полчаса, не больше, чтобы не повредить глазам.

Мои соседи – Барбосы, так у нас шутливо называют Бориса с Глебом – что-то задерживались. Они сегодня вообще с утра были молчаливы, может, потому что дружили с Олегом.

Только я вытянулся на кровати, лежа на спине и сложив руки на груди – это оптимальный способ отдыха, – как в спальню кто-то вошел. То есть я с самого начала догадался, что это Григорий Сергеевич. Пришел пожелать нам приятных снов.

– Где Барбосы? – спросил он.

– Куда они денутся, – сказал я. – Возникнут.

– Лешенька тебя достал, – сказал доктор и уселся на край моей кровати, в ногах. – Он меня тоже тревожит.

– А чем он тревожит? – спросил я.

– С тобой я могу быть откровенным, – сказал мой док-

тор. – Меня тревожит ситуация в группе. Я понимаю, этому есть объективные причины, усталость, потери в личном составе. Но мне кажется, что кто-то один из вас ведет направленную работу по разрушению замечательного духа единства и взаимовыручки, так свойственных нашему коллективу.

У Григория Сергеевича чудесный голос, не то чтобы низкий, но вельветовый, ему надо бы стать папой римским. Смешная мысль? Но я ее придумал всерьез. И постеснялся произнести вслух.

– Ты понимаешь, как мы дороги человечеству? И если кто-то подставит нам подножку, поставит под сомнение благородство наших начинаний... ах, если бы ты знал, как хрупка правда будущего!

В полутьме спальни его глаза излучали странный, добрый свет.

– У меня есть ощущение, что не выдержали нервы у Лешеньки. Чудесный молодой человек, твой брат и мой сын – а вот может стать для нас смертельной угрозой. А что, если он побежит к моим врагам? Ты же представляешь, сколько у меня врагов?

– Нет, нет, он не побежит! – вырвалось у меня.

– Но ведь он обвиняет меня в корыстолюбии?

– Нет!

– Иван, ты лжешь! – Он редко называл нас грубой формой имени. Он не хотел нас обижать. Он считал, что имя, данное

твоей кормящей матерью, должно сохраниться на всю жизнь. Хотя, как вы понимаете, ни у кого из нас не было кормящей матери.

– Он мой брат.

– Я ему дурного не сделаю, но я обязан знать правду! Я не могу быть неосведомленным, когда от моих решений зависит и ваша жизнь, и жизнь дорогих для нас людей! А ведь он не хочет сознаться и этим бросает тень на тебя и других невинных. Так что он сказал?

Я честно молчал, я не хотел Лешеньке зла. Но добрые чувства, которые так настойчиво вызывал во мне Григорий Сергеевич, отомкнули мне уста!

– Кстати, – заметил Григорий Сергеевич, понизив голос, – мне не хотелось тебе говорить об этом, но Лешенька позволяет себе нелестно отзываться о тебе. В обществе нашей Леночки он называл тебя грязным козликом. Разумеется... – Григорий Сергеевич достал носовой платок и грустно высморкался. Именно грустно. Мне стало его жалко. – Разумеется, мне не следовало об этом говорить, но мы должны жить с открытыми глазами. И еще неизвестно, что страшнее для личности: физическая смерть или предательство друга.

– А что! – вдруг услышал я свой голос. – Это на него похоже. Он и про вас говорил, что вы наживаетесь на нашей смерти, что вам процент платят.

Я спохватился, я замолчал, но плохое уже было сделано. Я ведь уподобился Лешеньке. Чем я теперь лучше него?

– И многие слышали? – спросил доктор.

– Почти все были, – признался я.

Григорий Сергеевич поднялся и подошел к окну. Его обычно прямая спина ссутулилась. Плечи опустились.

– Я подавлен, – сказал он, глядя в темноту окна. – Мне горько. Я думаю о тщетности моих дел.

– Не расстраивайтесь, – произнес я. – Это случайность. Он так не думает. Он в принципе неплохой.

– Вы все неплохие, – отрезал Григорий Сергеевич, – но никто, включая тебя, не пришел ко мне и не сказал честно и открыто: один из нас предал тебя, учитель, за тридцать сребреников.

– А кто ему даст тридцать сребреников? – спросил я.

– Желаящие вонзить кинжал в мою спину всегда найдутся.

– Нет, он неподкупный.

– Неподкупных, мой друг, не бывает.

– Только не наказывайте его!

– Я не имею морального права наказывать кого бы то ни было. Даже если этот человек поставил под угрозу само существование нашего дела, я постараюсь пересилить себя... Ах, как сладка месть!

Он не притворялся! Моему богу, моему наставнику, хозяину моей жизни хотелось отомстить одному из бессильных созданий его разума!

– Нет! – Он резко обернулся ко мне. – Нет!

И ничего не успел сказать, потому что сначала донесся страшный, нечеловеческий, утробный крик – что за животное закричало там, за залом? И почти сразу загрохотали шаги, дверь распахнулась, и в комнату влетели Барбосы – мои соседи.

Как влетели, так и замерли посреди комнаты.

Не ожидали увидеть здесь доктора.

Доктор спросил:

– Что произошло?

Крик за дверью оборвался.

– Мы не хотели, – сказал Рыжий Барбос.

– Чего вы не хотели, черт побери?!

– Мы только заглянули в бокс, чтобы попрощаться...

– А Олежка нас увидел и стал рваться, – сказал Черный Барбос.

– Мы побежали, а он чуть не выскочил – а когда его стали обратно класть, он закричал... но мы же не хотели!

– Понял, – коротко сказал доктор. Он вышел из комнаты.

Хоть я и был подавлен нашей беседой с доктором, у меня нашлись силы спросить этих балбесов, что ими двигало, когда они решили отправиться в «чистилище»? Ведь нельзя же!

Все термины условны, как человеческие клички. Порой и не догадаешься, откуда термин возник и давно ли живет на Земле.

«Чистилищем» называли бокс, в котором герой, идущий

на подвиг, проводил последние сутки или ночь. Он подвергается там полной дезинфекции и обработке седативными и иными средствами, переводящими его мозг в область грез.

Что-то не сработало. Может быть, именно появление Барбосов – ну что их потащило в «чистилище» на ночь глядя? Ну попрощались мы уже с Олежкой, даже не стали повторять высоких слов. Олежке было сказано открытым текстом, что завтра в восемь утра его здоровая молодая печень будет изъята из тела и пересажена страдающему циррозом и неизлечимо больному маршалу Параскудейкину, командующему Ракетными войсками особого назначения, знающему столько государственных тайн, что ему просто невозможно умереть. Родина этого не переживет. Впрочем, и возразить тут нечего. Кто не знает этого орлиного профиля! Кто не взлетал вместе с ним на первом реактивном самолете? Кто вывез из Ленинграда на Большую землю восемьдесят детей в горящем бомбардировщике? Все он – Александр Акимович! Санитарка тетя Оксана говорила мне, что у них в классе висел портрет Параскудейкина. Покрышкина, Чкалова, Леваневского и его. Потом Леваневского поменяли на Каманина. Потому что Леваневский вроде бы рванул в Штаты. Но это говорила санитарка, обыкновенная женщина, без допуска.

Скажу честно – если бы мне предложили занять место Олежки, я бы сделал это с восторгом. Я хочу пролететь подобно метеору и оставить свой след на Земле.

Олежка страшно закричал.

Барбосы кинулись обратно в спальный блок.

Григорий Сергеевич был глубоко оскорблен поведением Лешеньки, а также поведением всех нас, которые слышали речи Лешеньки, не оборвали его и не доложили о них медикам. Это предательство! И я тоже предатель.

– Мы его видели, – сказал Рыжий Барбос. – И он нас видел. И как закричит!

– Он нам кричал: возьмите меня отсюда, я боюсь, я хочу жить!

– Сейчас он уже спит, – сказал я. – Сейчас ему хорошо.

– А может, они в самом деле за нас деньги получают? – спросил Черный Барбос.

– Помолчи! – огрызнулся я. – Хватит с нас Лешки!

– Жалко Олежку, – сказал Рыжий Барбос.

А я подумал, что Лешенька должен бы зайти. Он всегда заходит перед сном, глупая улыбка во всю физиономию, шахматная доска под мышкой – и сразу: «Иван, даю тебе фору. Ферзя или ладью?»

В конце концов, ничего особенного не произошло.

Я ни в чем не виноват.

Может ли чувствовать себя виноватым человек, который выполнил свой долг? Разоблачил предателя в наших рядах...

Почему же мне так неловко и хочется куда-то бежать, остановить несправедливость?

Я поднялся и сказал Барбосам:

– Сидите и никуда не ходите. И так несладко.

Я вышел в коридор. Свет горел в полную силу, хотя давно пора бы его потушить.

В спальнях тоже слышны голоса. Но свет погашен.

Я пошел по коридору к ординаторской. Там наши доктора обычно чаевничают и болтают по вечерам, когда мы уже уgomонимся.

Мне надо было увидеть Григория Сергеевича, пока он не ушел домой. Мне надо было объяснить ему, упросить его забыть мои глупые слова. И не сердиться на Лешеньку.

Ординаторская была пуста.

Врачей я нашел в перевязочной. Или малой операционной – называй как хочешь. Каждому из нас пришлось провести здесь немало часов. Потому что наши тела должны быть безукоризненны! Мы – надежда Земли.

Там был и Лешенька.

Он полулежал в смотровом кресле, глаза прикрыты, вялый, из уголка рта течет слюна.

Руки прикованы к подлокотникам кресла.

Но говорил спокойно, разумно, словно по своей воле.

– Нас не интересуют твои мысли, – сказал доктор Григорий Сергеевич. – Я скажу тебе откровенно – важнее понять, насколько их разделяют твои братья.

– Мы мыслим почти одинаково, – сказал Лешенька, не раскрывая глаз.

– Вот это неправда, – сказал доктор. – Ложь. Мы поймали тебя по доносу твоего брата.

– Иван все же не выдержал! – В голосе прозвучала усмешка, но на лице она не отразилась. – Он влюбчив, он избрал вас отцом, как котенок избирает себе хозяина. Мы же все разные.

– Мне лучше знать, насколько вы разные. Но я был убежден: именно моя политика откровенности и сплачивает нас в общем деле.

– Ах, оставьте, доктор! – возразил Лешенька. – Никакого общего дела не существует. Есть ваша корысть, есть ложь, ложь и еще раз ложь!

– Алексей, – предупредил Григорий Сергеевич, – остановись, иначе я буду вынужден принять меры.

– А вы их и так примете, – парировал Лешенька. – Потому что вы меня боитесь. Ведь для всего клона я – его член. И с каждой новой смертью доверие к вам съезживается, как шагреновая кожа...

– Ты не мог этого читать! – вдруг завопил, буквально завопил Блох.

– По телевизору смотрел, – признался Лешенька.

На этот раз он говорил неправду. Я знал, откуда у него эта книга. Ее нам санитарка принесла. Ничего в ней такого не было, но почему-то она была запрещена. Может быть, они боялись, что мы ощутим сходство судьбы того человека и нашего клона.

– Не хотите такого сравнения, – сказал Лешенька, – сравните нас с подводной лодкой «Наутилус».

– Почему? – спросил Блох. Он не понял.

– Потому что там становилось все меньше матросов, пока не остался один капитан Немо.

– Остроумно, – заметил Григорий Сергеевич. – Очень остроумно. Меня сейчас интересует еще один вопрос: с чего ты решил, что мы зарабатываем деньги на вашей судьбе?

– Я в этом уверен.

– Но почему?

– Все великие шпионы пробалтываются...

Григорий Сергеевич обратился к сестре Леночке:

– Пройди по спальням, погляди, хорошо ли они спят?

– Сейчас, – отозвалась Лена и осталась на месте. Ей куда интереснее было послушать бунтаря.

А Лешеньку стоило послушать. Я сам слушал его с интересом.

– Я подозреваю, что ваш проект с самого начала был коммерческим.

– Чепуха, чепуха, чепуха! – Доктор Блох легко возбуждался. – Где вы найдете деньги на такой проект? Только государство может поднять наш Институт.

– Государство, – парировал Лешенька, – это скопище людей, заинтересованных в сохранении определенного порядка вещей.

– Мы вырастили философа!

Как будто радостная фраза, но при этом Григорий Сергеевич так развел руками и склонил вбок голову, что ясно ста-

ло – обошлись бы мы без философов.

– Я не знаю, сколько у вас таких клонов, как наш, – сказал Лешенька, – но думаю, что не один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.